

Лю Пайхань

студент

Ван Синьтун

преподаватель

Чанчуньский университет

г. Чанчунь, Китайская Народная Республика

ОБРАЗЫ МЕДИ И АЗИИ В ТВОРЧЕСТВЕ С.А. ЕСЕНИНА И ОБРАЗ АЗИАТСКОЙ МЕДИ У ХАЙ-ЦЗЫ

Аннотация: в статье раскрывается образ меди как в произведениях С. Есенина, так и в стихотворениях Хай-цзы. Авторы акцентируют внимание на следующем: использование данного образа говорит о его уникальности и значимости.

Ключевые слова: творчество Есенина, образ меди, творчество Хай-цзы.

Использование образа *меди* в творчестве Есенина до настоящего времени не рассматривалось исследователями-есениноведами, поскольку эта проблема не являлась актуальной из-за небольшого числа упоминаний образа *меди* в произведениях русского поэта. Но при рассмотрении программного поэтического произведения выдающегося китайского поэта Хай-цзы «Азиатская медь» возникает вполне законное предположение об истоках происхождения этого образа, не основано ли оно в конечном счете на творческом использовании есенинского образа?

Для этого рассмотрим все случаи появления образа *меди* у Есенина. Впервые отмечаем образ *меди* в 1921 г. в драматической поэме «Пугачев» [1]. При появлении Пугачева в Яицком городке в первой же сцене он произносит монолог о радости своего появления на разбойном Чагане, приюте дикарей и оборванцев, на берегах разбойного Яика. Пугачев восклицает при этом: «Мне нравится *степеней твоих медь*» (курсив здесь и далее – Лю Пайхань). В диалоге со сторожем Пугачев объясняет цель своего появления на Яике: «Я пришел из да-

леких стран/ Посмотреть на *золото телесное*/ На *родное золото славян*». Поэт с первых строк поэмы цветовым соотношением образов *меди* и *золота* придает вполне определенные литературные смыслы этим образам. Здесь напрямую рассматривается цвет кожи окружающих народов, *медный* (темно-красноватый) оттенок присущ восточным народам, а белый цвет (золотистый – «*родное золото славян*») присущ европейским (в частности, славянам). При таком рассмотрении конечным смысловым содержанием образа *меди* является понимание его как всего *Восточного (Азиатского)* континента или попросту *Востока (Азии)*, а соответственно, образ *золота* символизирует собой *Запад* (в частности, славянский этнос). Значит, Пугачев своим восклицанием признается в своей любви к *Восточной (Азиатской)* стороне мира. В поэме восточный колорит создается образом массы восточных народов. Вот описание бегства калмыков: «Тридцать тысяч калмыцких кибиток/ От Самары проползло на Иргиз. ... Потянулись они в свою Монголию». Образы отдельных азиатов: «И калмык нам не желтый заяц, / В которого можно, как в пищу, стрелять. / Он ушел, этот смуглый монголец, / Дай же бог ему добрый путь» обнаруживают сочувственное отношение яицких казаков к соседним восточным народам.

В другом случае *медь* символизирует осеннюю ночную непогоду во время осеннего «скверного» дождя: «Стоят ошипанные вербы / Плавя ребер медь».

В призыве уральского каторжника Хлопуши за Сакмарой «всех крестьян в том краю взбунтовать»: «Так давайте же по *липовой меди* / Трахнем вместе к границам Уфы» понятие *липовая медь* несет смысл материала пушек, овладеть которыми призывает соратников атаман Хлопуша. Ведь, как бывший артиллерист, он понимает, что без пушек Оренбург не взять, и поэтому предлагает хитроумный план добычи пушек, ядер и пороха неподалеку от Уфы.

В тексте поэмы появляются новые приметы *Восточной стороны*: «скуломордая татарва», «кибитки киргиз», «березовая Монголия», «калмыки и башкиры удрали к Аральску в Азию».

Когда дело Пугачева терпит крах, предатель-пугачевец Бурнов рассуждает о надвигающейся смерти, он говорит о своей нестерпимой любви к жизни, ис-

пользуя образ цвета меди: «Я хочу снова отроком, отряхая с *осинника медь*, / Подставляя ладони, как белые скользкие блюдца».

В сцене «Конец Пугачева» любимый *образ Азии* проявляется самым непосредственным образом. Пугачев все свои мечты после страшной беды поражения связывает с Азией. Он пророчески возвещает: «Наши лодки заплещут, как лебеди, в *Азию*. / *О Азия, Азия!* Голубая страна», и выдает свою заветную мечту: «Уж давно я, давно я скрывал тоску/ Перебраться туда к их кочующим станам, / Чтоб разящими волнами их сверкающих скул/ Стать к преддверьям России, как тень Тамерлана». Финал поэмы у Есенина также не обходится без *образа меди*. Предатель общего дела Творогов после пленения Пугачева восклицает: «Слава богу! Конец его зверской резне, / Конец его злобному волчьему вою. / Будет ярче гореть теперь *осени медь*». Здесь *образ меди* знаменует собой победу предательских сил зла, олицетворенных в образе Творогова.

Представляется, что довольно частое употребление (пять раз) *образа меди* в этом этапном произведении Есенина напрямую связано с восточным колоритом поэмы, ведь все действие поэмы происходит на границе Европы и Азии, что подчеркнуто множеством художественных деталей.

Образ Востока (Азии) тоже очень важен для понимания творческого дарования Есенина, ведь он стал новым природным источником поэтического вдохновения русского поэта, стоит вспомнить хотя бы цикл «Персидские мотивы» [2]. Здесь, в стихотворении «Свет вечерний шафранного края» (1924), Есенин в вымышленном далеком персидском Ширазе воспевает женскую красоту персиянок, используя колоритнейший *образ меди*, чтобы выделить и выпятить женскую прелесть кожи восточных «женщин и дев»

Иль они от тепла застыли,
Закрывая *телесную медь*?
Или, чтобы их больше любили,
Не желают лицом загореть,
Закрывая *телесную медь*?

Есенинское понимание *образа меди* прямым образом совпадает с нашим толкованием связи этого образа с цветом кожи местных народов. Еще в одном стихотворении этого цикла «Золото холодное луны» (1925) появляется *образ меди*. Выражение *листьев медь* используется Есениным для выражения чувства печали и скорби по далеким временам, когда в Багдаде «жила и пела Шахразада». Несмотря на бренность человеческого существования поэт призывает ценить радости жизни, «и тебя блаженством ошафранит» «среди покоя голубой и ласковой страны», ведь именно об этом «вторично скажет *листьев медь*».

В другом стихотворении «В Хоросане есть такие двери» (март 1925) Есенин использует *образ меди* для описания собственных достоинств поэта

У меня в руках довольно силы,

В волосах есть золото и *медь*.

Золото служит мерилom житейской мудрости и зрелого возраста, а *медь* служит символом мощи и уверенности в своих силах и убеждениях. Главный лейтмотив стихотворения – любовь к персидской пери трансформируется в извечный зов странника – «мне пора обратно ехать в Русь». «Любовь к родному мне краю» для Есенина стоит выше всех ценностей человеческого мира.

Образ меди в цикле «Персидские мотивы» встречается четыре раза, для поэта вполне достаточно, чтобы прочувствовать, что «*Персия*» – это «голубая и ласковая страна», подобно тому, как и ранее в «Пугачеве», звучало: «*О Азия, Азия! Голубая страна*».

А теперь остался один шаг до соединения этих отдельных образов *меди* и *Азии* в единый целый поэтический образ «*Азиатской меди*». Не осуществил ли его Хай-цзы после ознакомления с поэмой Есенина «Пугачев»?

Мы знаем, что в декабре 1980 г. в издательстве «Общественные науки Китая» была издана книга «Биография Есенина» в серии «Биографии зарубежных известных писателей». Автор книги Ван Шоужень в третьем разделе «Потрясающая поэма «Пугачев» дает полный перевод на китайский язык знаменитой эпической поэмы Есенина «Пугачев». Так что Хай-цзы имел прекрасную воз-

можность ознакомиться с этим произведением Есенина еще на первых курсах обучения в Пекинском университете

Если это так, то, конечно, он наполнил свой новый поэтический образ совершенно своим, национальным, китайским содержанием. Поговорим об этом чуть позднее.

Помимо поэмы «Пугачев» есть и другие примеры использования Есениным *образа меди*. В стихотворении 1922 г. «Не жалею, не зову, не плачу» *образ меди* послужил для описания бренности человеческого существования: «Все мы, все мы в этом мире тленны, / Тихо льется с кленов листьев медь...». В дальнейшем *образ меди* был использован Есениным в стихотворении 1924 г. «Мне грустно на тебя смотреть» для описания чувств грусти и печали при встрече с бывшей возлюбленной: «Знать, только, *ивовая медь* / Нам в сентябре с тобой осталось».

В заключение скажем, что небольшая частота использования *образа меди* говорит об уникальности и значимости этого образа, драгоценно расходуемого русским поэтом для создания своих поэтических шедевров. *Образ меди* у Есенина является многофункциональным элементом, наполняемым различным содержанием в зависимости от поставленных поэтических задач. Для наших же целей важно именно понимание *меди* как символа *азиатского континента*.

Вернемся теперь к рассмотрению стихотворения Хай-цзы «*Азиатская медь*». Оно было написано в 1984 г. и стало для молодого китайского поэта пропускным билетом в серьезную литературу. Многие редакторы журналов и газет поняли, что имеют дело с незаурядным поэтическим талантом. Темой этого стихотворения стало обращение к родине поэта, земле его предков. Проводя анализ этого стихотворения и рассматривая главный образ, литературовед В.В. Цыбикова пишет: «Образ «Азиатской меди» весьма символичен, является олицетворением не маленькой деревушки с ее пшеничными полями, а всего азиатско-тихоокеанского материка. Автор гордится своей родиной и предан ей» [3]. Другой известный литературовед Ю. Ключников по этому поводу откликается следующим образом: «У Хай-цзы есть стихотворение «Азиатская медь». Я

переложил его вольно, но сохранил в неприкосновенности первую строчку («Азиатская медь, азиатская медь!»), которая звучит как набат о незыблемости азиатского материка как родины жизни и поэзии и о незыблемой вечности духовных ценностей Азии» [4]. У обоих русских литературоведов схожее понимание образа «Азиатской меди», в первом случае – как «азиатско-тихоокеанского материка», во втором случае – как «азиатского материка». Вполне допустимо такое его толкование, но думается, что гораздо ближе к истинному пониманию Хай-цзы будет признание «Азиатской меди» как великого китайского континента. Без учета имманентно присущей каждому китайцу философии «китаецентризма» невозможно правильно интерпретировать этот важный основополагающий фундамент лирики Хай-цзы. Но что же все-таки сказал сам Хай-цзы в этом стихотворении. «Предки умерли здесь, мой отец умер здесь, и я тоже умру здесь. Ты – единственное место для погребения людей». Вот из этих строчек Хай-цзы становится совершенно ясно, что «Азиатская медь» – это Китай, и это – исключительное место во всех отношениях. Но почему же тогда Хай-цзы не назвал свое поэтическое творение «Китайской медью»? Главным мотивом для Хай-цзы стало, по нашему убеждению, творческое использование есенинских отдельных образов *меди* и *Азии*. От их соединения и родился этот набатный образ *Азиатской меди*. Такое понимание *Азиатской меди* совершенно созвучно есенинскому звучанию образа *меди*, обнаруженному нами в поэме Есенина «Пугачев», как символа восточного континента. И наша гипотеза о праисточнике образа «Азиатской меди» находит в текстах Есенина свое поэтическое подтверждение.

Список литературы

1. Есенин С.А. Пугачев // Избранные сочинения / С.А. Есенин; сост., вступ. статья и примеч. А. Козловского. – М.: Худож. лит., 1983. – С. 243.
2. Есенин С.А. Персидские мотивы // Избранные сочинения / С.А. Есенин; сост., вступ. статья и примеч. А. Козловского. – М.: Худож. лит., 1983. – С. 119–130.

3. Цыбикова В.В. Темы родины и любви как основные в творчестве китайского поэта Хай-цзы (1964 – 1989) / В.В. Цыбикова // Вестник Бурятского университета. – 2008. – №8. – С. 129–134.

4. Ключников Ю. Поднебесная хризантема: 30 веков китайской поэзии. Вольные переводы. Свободные переложения. Стихи по мотивам / Ю. Ключников; Союз писателей России. – М.: Беловодье, 2018. – С. 519.